

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА В ТАРТУСКО-МОСКОВСКОЙ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Тартуско-Московская семиотическая школа оказалась уникальным культурным феноменом, объединившим таких выдающихся исследователей, как Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, А.М. Пятигорский и многих других, репрезентирующих собой ярчайшие и достаточно автономные примеры реализации семиотического анализа. Несмотря на разнообразие подходов, школе удалось создать общую методологию исследования текста, которая с помощью цепи методологических презумпций задает единство в понимании объекта семиотики.

В качестве основных стратегий, определяющих подход к тексту в Тартуской школе, необходимо выделить следующие. Во-первых, тартуские исследования отличает универсализм в понимании текста. Под текстом, в данном случае, понимается не столько графически выраженная часть реальности, но, в целом, любое культурное явление, подчиняющееся принципам структурной организации. Благодаря подобному расширению понимания феномена текста в поле зрения тартуских семиотиков попадают

различные культурные явления, начиная с художественных текстов, мифов, обрядов, текста человеческого поведения, заканчивая историческим процессом и культурой как таковой. Иными словами, для представителей Тартуской школы характерна тенденция текстуализации универсума, т. е. окружающая человека реальность тартусцами наделяется знаковой природой, поскольку оказывается включенной в цепи коммуникации.

Однако следует отметить, что понятие текста как предмета семиотического анализа и, соответственно, методологические стратегии его исследования претерпевают в ходе существования школы значительные изменения. Первое десятилетие деятельности тартуских семиотиков (60-е гг.) ознаменовано доминированием структуралистской парадигмы в исследовании текста, что проявляется в понимании текста в качестве сообщения, реализации единой структуры или кода, на попытки реконструкции которого и направлены исследовательские усилия.

С 70-х годов начинается постепенный отход от догм структурализма и преодоление его основных противоречий. Если первый этап характеризуется интересом к имманентной структуре и статике текста, то обращение к такому сложному явлению, как художественный текст, задает тенденции на преодоление упрощенного понимания объекта. Новые стратегии в деятельности школы связаны, в первую очередь, с попыткой осмысления и исследования механизмов динамики текста, что проявляется в стремлении включения в текстовый анализ внеструктурных элементов, которые в рамках структуралистской парадигмы просто нивелировались.

Основным принципом, позволяющим рассматривать текст в качестве динамически развивающейся, превосходящей себя системы, становится в рамках Тартуской школы принцип диалогизма, или полиглотизма. Данный принцип предполагает, что любой текст имеет тенденцию к многоструктурности, т. е. включает в свой состав не один, а несколько организующих языков-кодов. Иными словами, тартуский анализ текста отличает стратегия на обнаружение многоуровневой и полиструктурной организации текста, которая реализуется в многообразии точек зрения, пространственно-временных перспектив и языков в рамках конкретного культурного текста.

Очевидно, что интерес к динамике и развитию текста не мог не привести тартуских исследователей к анализу прагматики текста: Тартускую школу отличает повышенный интерес к исследованию контекста, внетекстовых связей, в которые включен любой текст. При этом контекст обретает в тартуских анализах статус равноценный понятию структуры, поскольку, только погружаясь в определенный контекст, текст обретает собственную определенность и неповторимость. Тартускую школу характеризует стремление к семиотизации контекста, т. е. к пониманию его в качестве иным образом закодированной знаковой системы, с которой текст вступает в диалогическое общение.

В качестве основной аналогии, задающей специфику тартуской семиотики, выступает аналогия интеллектуальной личности и текста, которая

успешным образом совмещает основы теории информации и гуманистический потенциал русской культуры. Данная аналогия находит свое отражение на всех уровнях семиотического анализа текста. Во-первых, на уровне исследования структуры, поскольку текст предстает в виде семиотического ядра, содержащего основные творческие потенции, которые при взаимодействии с уникальной ситуацией внешнего окружения способны развернуться в бесконечное множество смысловых проявлений. Во-вторых, на уровне исследования динамики текста: как семиотическая личность текст наделен основными свойствами личности: самосознание, память, творчество, – что и позволяет ему выполнять свои функции в культуре, одновременно быть и хранилищем уже созданной информации, и создателем нового смысла. В-третьих, понимание текста в качестве личности, приводит к особой интерпретации тартусцами прагматики текста: в отличие от постструктуралистских исследователей, тартусцы не разрушают, но, скорее, вновь акцентируют внимание на субъекте: субъекте, порождающем текст, тексте-субъекте и субъекте, воспринимающем текст. В рамках тартуского анализа оправданной становится метафора функционирования текстов как общения между равноправными субъектами культурного процесса.

Таким образом, можно говорить о неповторимом месте Тартуской семиотической школы в развитии мировой семиотики. С одной стороны, наследуя лучшие достижения русского формализма, тартусцы преодолевают статичность и онтологизм формального анализа. С другой стороны, имея много общего с синхронно развивающейся западной семиотикой (У. Эко, Р. Барт), разделяя тенденции на понимание текста в виде реализации особой практики означивания, пребывающего смысла, тем не менее, Тартуская школа создает уникальное понимание текста, ставящее ее особняком от западной ветви семиотики.